

The use of native language support at the study of Russian phraseological units

Key words: native language, foreign language, phraseology, methodology, studying.

In the article the main possibilities of the use of foreign students native language during the study of Russian as a foreign language in the process of phraseological studies are discussed; comparative-contrastive method of studying Russian set phrases is briefly characterized; the principles of the use of native language support at the study of Russian phraseological units by foreign students are described.

УДК 811.161.1; 811.162.3

Е. М. Маркова
Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина
e-mail: Elena-m-m@mail.ru

Родной язык при овладении лексикой близкородственного языка

Ключевые слова: лексика, славянские языки, сопоставительный анализ, транспозиция, интерференция.

В статье рассматривается проблема изучения русской лексики в славянской аудитории. Внешняя близость лексических систем родственных языков является одновременно и основой положительного переноса (транспозиции), и фактором, отрицательно влияющим на усвоение лексики (интерференции). В статье постулируется тезис о более сильном проявлении интерференции при изучении близкородственного языка в силу большого количества фактов «ложного сходства»: внешне одинаковых, но внутренне различных явлений. Предлагаемая автором группировка даёт возможность организации специальной работы по ограничению проявлений интерференции.

Лексические системы близкородственных языков, какими являются славянские языки, характеризуются наличием большого количества лексем, отличающихся внешним изоморфизмом (подобием) и наряду с этим внутренней асимметрией. С одной стороны, значительное сходство лексических систем языков значительно облегчает усвоение «чужого» языка, демонстрирует его близость, понятность, доступность, а значит, возможную лёгкость освоения (что является важным фактором, например, при выборе русского языка как второго иностранного в средних школах славянских стран, где русский успешно конкурирует в этом статусе с французским и немецким), с другой – представляют собой потенциальную область лексической интерференции, ведёт к многочисленным смысловым ошибкам, что требует особого внимания к сходным фактам как с точки зрения теоретической, лексикографической, так и лингводидактической. С учётом сказанного важную роль при разработке теоретических основ изучения инославянского языка играет сопоставительный анализ родного и изучаемого языков. Результатом подобного анализа станет выявление общего и различного в двух языках, что значительно облегчит усвоение другого славянского языка и поможет предупредить возможные ошибки.

Факты внешнего сходства двух языков, различающиеся семантически, традиционно называют *межъязыковыми омонимами*. С учётом источника происхождения подобных корреляций к *собственно межъязыковым омонимам* можно отнести случайно совпавшие слова двух языков или параллельные деривации, возникшие в близкородст-

венных языках в силу наличия общего морфемного фонда. Строго говоря, к явлениям межъязыковой омонимии можно отнести лишь такие факты случайного внешнего совпадения лексем двух языков, как, например, рус. *вор* ‘злоумышленник’ и чеш. *vor* ‘плот’; рус. *давка* ‘состояние тесноты в толпе’ (от глагола *давить*) – чеш. и словц. *dávka* ‘порция’, ‘доза’, ‘пособие’, ‘налог’ (от глагола *dávat* ‘давать’); рус. *подводник* ‘специалист по подводным работам’, ‘моряк, служащий в подводном флоте’ (образованное из сочетания *под водой*) – чеш. и словц. *podvodník* ‘мошенник’ (от *podvádět* ‘обманывать’, ‘мошенничать’, ср. с рус. *подводит кого-л.*); рус. *мылиться* ‘наносить мыльную пену на кожу’ – словц. *mýliť sa* ‘ошибаться’; рус. *погадать* ‘узнать предстоящие события по картам или другим способом’ – словц. *pohadať* ‘поссорить’ [10, 11] и т. п.

К межъязыковой омонимии с полным правом можно отнести и такие родственные лексемы, которые утратили этимологическую связь и не имеют ничего общего в значении, как рус. *гвоздь* ‘металлический стержень’ и чеш. *hvozd* ‘густой лес’; рус. *гряда* ‘узкая полоса вскопанной земли в огороде’, ‘ряд небольших гор’ и чеш. *hřada* ‘насед для кур’; рус. *боднуть* ‘ударить рогами (о коровах)’ и словц. *bodnúť* ‘уколоть; укусить, ужалить’; рус. *тычинка* ‘стержнеобразный орган цветка, содержащий пыльцу’ и словц. *tyčinka* ‘палочка (в том числе хлебная или шоколадная)’; *точить* ‘делать острым путём трения о камень’ – *točiť* ‘крутить’ [11] и т. п.

Как правило, случайные совпадения лексем или генетически общие слова, значительно разошедшиеся в значении, не представляют больших трудностей для усвоения и запоминания – наоборот, они работают как проводники транспозиции (положительного переноса), помогая быстрому усвоению и запоминанию семантики данного слова, благодаря эффекту «отталкивания» от семантики похожего слова в родном языке. Этот принцип действует и при встрече с «ложными друзьями переводчика» в неблизкородственных языках. К тому же денотативно межъязыковые омонимы никак не пересекаются – они, как правило, соотносятся с разными сферами действительности, что также способствует их быстрому запоминанию.

Межъязыковыми омонимами можно по праву считать и факты параллельного образования как результат наличия в разных славянских языках общего корпуса корневых морфем и словообразовательных аффиксов, а также однотипных деривационных моделей типа русско-чешских коррелятов: *младенец* ‘грудной ребенок’ и *mládenec* ‘молодой человек’; *школьник* ‘учащийся школы’ и *školník* ‘школьный сторож’; *прачка* ‘работница, занимающаяся стиркой белья’ и *práčka* ‘стиральная машина’ (разг.); *обнова* ‘недавно приобретенная, новая вещь’ и *obnova* ‘возрождение, восстановление’, ‘свежий, только что выпавший снег’; *сушка* ‘маленькая баранка’ и *suška* ‘худая женщина’ [11] и др. Много примеров межъязыковых омонимов и в русско-словацком языковом пространстве: *рассудок* ‘разум, умственная деятельность’ – *rozsudok* ‘приговор’; *погреб* ‘помещение под домом для хранения овощей, запасов на зиму’ – *pohreb* ‘похороны’, *снежинка* ‘кристаллик снега’ – *snežinka* ‘подснежник’; *зажить* ‘начать жить’ – *zažiť* ‘испытать’; *банковать* «ставить деньги на кон в игре» – *bankovať* (*s kým*) «работать с каким-либо банком» [10] и др.

Проблема ложного сходства распространяется и на словообразовательные форманты. Большая часть словообразовательных средств, а также многие деривационные модели в славянских языках совпадают, являясь рефлексом праславянского единства. Совпадает в значительной мере и семантика словообразовательных средств и моделей. Изменяется, однако, распределение морфем: одно и то же значение передается подчас при помощи различных корней или различных аффиксов. В результате этого совпадение лексиконов славянских языков оказывается мнимым, кажущимся, формальным.

Данная категория «обманчивых межъязыковых соответствий» требует гораздо большего внимания от преподавателя в инославянской аудитории. Можно утверждать, что именно параллельные образования представляют наибольшую опасность интерфе-

ренции. По нашим наблюдениям, даже владеющие русским как инославянским на высоком уровне делают ошибки в их использовании. Работу над параллельными аналогами целесообразно проводить в тесной связи со словообразованием, демонстрируя семантику общего корня и аффиксов, которые вносят различные смысловые изменения в значения общих слов. Эффективным приёмом запоминания приставочных отглагольных образований оказывается составление билингвальных словообразовательных гнезд (в нашем случае – русско-чешских или русско-словацких), где представлены все сходные префиксальные дериваты с их значениями вокруг бесприставочного глагола-доминанты. Пример подобного русско-словацкого билингвального гнезда:

говорить – hovorit'

наговорить 'сказать в большом количестве' – *nahovorit'* 'подговорить';

приговорить 'вынести решение (в суде)' – *prehovorit'* 'заговорить';

договориться 'условиться' – *dohovorit' si* 'сговориться о чём-либо негативном';

сговорчивый 'тот, с кем легко договориться' – *zhovorčivý* 'разговорчивый' и т. п.

Слова, имеющие общий источник происхождения: праславянский язык, неславянский язык, другой славянский язык, – можно отнести к *межъязыковым полисемантам*, или многозначным словам, или, выражаясь языком В. В. Виноградова, «историческим вариантам», «разветвлениям одного слова» [2, 119], (поскольку их семантическое развитие в разных славянских языках представляет собой семантическую эволюцию единого корня).

В силу устойчивости праславянского лексического фонда в современных славянских языках, интернационального характера заимствований (особенно усилившегося в эпоху глобализации) оказывается, что межъязыковых полисемантов, сохраняющих смысловую связь как следствие эволюции общего этимона, среди изоморфных структур подавляющее большинство. Можно выделить несколько факторов образования межъязыковой полисемии в родственных языках: семантическое развитие общих лексем праславянского лексического фонда (напр., рус. *губы* 'выпуклые части рта' и чеш. *houby* 'грибы'; рус. *худой* и чеш. *chudý* 'бедный, нищий');

общие заимствования из неславянских языков (типа рус. *роба* 'грубая рабочая одежда' и чеш. *roba* 'вечернее платье', рус. *маляр* 'рабочий' и чеш. *malíř* 'художник');

заимствования из одного славянского языка в другой (рус. *табор* из чеш. *tabor* 'лагерь', рус. *колготки* из чеш. *kalhoty* 'брюки' и т.п.) [7].

Спектр семантических различий подобных лексем широк и может характеризоваться родо-видовыми различиями, несовпадением объёмов семантических структур, метафорическими или метонимическими отношениями, несовпадением векторов семантического развития вплоть до образования энантиосемии и дизъюнкции (семантического непересечения) [3]. Крайним проявлением межъязыковой полисемии является энантиосемия, в качестве примера которой можно привести коррелирующую пару наречий: рус. *дивно* – чеш. *divně*. Состояние, транслируемое наречием *дивно* в русском языке, связано с положительными эмоциями, чем-то прекрасным; в чешском языке, напротив, *je mi nějak divně* означает 'мне не по себе, нездоровится'. В качестве примера дизъюнкции можно привести сходно звучащие в двух языках глаголы: рус. *лущить* 'очищать от скорлупы, коры, какой-л. оболочки' – чеш. *luštit'* 'решать, разгадывать кроссворды' [11].

Дифференциальные смыслы подобных коррелятов нередко выражаются в неодинаковых синтагматических возможностях изоморфных лексем в разных языках. Как известно, синтагматические связи, присущие слову, входят в характеристику его семантики. Границы лексико-семантического варианта слова определяются набором синтагм. Так, для выражения понятия 'большое количество чего-л.' в славянских языках нередко используются вторичные номинации лексем некоторых тематических групп (названия

водоёмов, частей ландшафта больших размеров, ёмкостей, видов транспорта и др.). Выступая в роли наречия меры и степени, они требуют обязательного зависимого компонента. Однако при совпадении большинства подобных переносных употреблений здесь выделяются некоторые спецификации. Например, при денотативном сходстве рус. *океан* лексемы и чеш. *osean* чешский коррелирует не употребляется для обозначения большого количества, в то время как возможны русские сочетания *океан улыбок*, *океан страстей*, *океан любви*. И в этом смысле можно считать слово *океан* межъязыковым полисемантом, получившим в русском языке значение «много», в отличие от чешского, не развившего это значение.

С лингводидактической точки зрения, трудности в запоминании подобных лексем снимаются при презентации их парами в синтагматических комплексах, которые помогают очертить дифференцированную семантику генетически общих слов в родном и изучаемом языке. Например: рус. *ужасный* ‘очень плохой’ (*ужасный день*, *ужасный обед*, *ужасная память* и т. п.; хотя в русском языке возможно и употребление наречия *ужасно* с положительным «зарядом»: *он ужасно красивый*, *ужасно интересный*) [6] – чеш. *úžasný* ‘поразительный, удивительный, прекрасный’: *úžasný oběd* ‘прекрасный обед’, *úžasná paměť* ‘поразительная память’ (возможна отрицательная коннотация у этого слова в следующем контексте: *úžasná bída* ‘ужасная, страшная беда’) [9].

В этом отношении показательны вторичные, метафорические, значения некоторых прилагательных. Так, рус. *слепой* полностью соответствует чеш. *slепý* в основном значении ‘лишённый зрения’, а также в переносном значении ‘лишённый критического видения предмета’ (например, в сочетании *слепая любовь* – *slепá láska*). Однако чешским прилагательным стали называть также понятия, обладающие признаком ‘не имеющий чего-либо’ (в основе данного переноса лежит ассоциация ‘не имеющий зрения’ – ‘не имеющий чего-либо другого’). В результате подобного переноса в чешском языке стали возможны такие словосочетания как *slепá ulička* (рус. *глухой переулок*), *slепé okno* (рус. *глухое окно*), *slепá rana* (рус. *холостой выстрел*), *slепý pasažer* (рус. *безбилетный пассажир*) [9].

Нужно отметить, что традиционно изучение семантики межъязыковых омонимов ограничивалось сравнением её только на уровне денотатов. Однако лингвокогнитивная и лингвокультурологическая направленность исследований последних десятилетий позволяет уточнить понятие межъязыковых полисемантов, расширить количество языковых единиц, включённых в сферу обманчивых сходств. С учётом этого к названным выше типам межъязыковых полисемантов можно отнести факты стилистической дифференциации и различий в сфере употребления межъязыковых корреляций, назвав их **стилистическими омонимами**.

Анализируя лексику славянских языков, мы нередко сталкиваемся с явлением, когда этимологически общее слово в одном языке является общеупотребительным, стилистически нейтральным, в другом представляет собой периферийное явление, стилистически маркированное, употребительное лишь при особых обстоятельствах. Подобная дивергенция нередко связана с распадением двух синонимичных элементов, один из которых является исконным, другой – заимствованным.

При сравнении общей лексики двух славянских языков – русского и чешского – выделяются следующие стилистические дихотомии: 1) *нейтральное* в одном языке – *высокое, поэтическое* в другом; 2) *нейтральное* в одном языке – *стилистически сниженное* в другом.

В этой группе русско-чешских полисемантов можно выделить:

1) русские *лексико-словообразовательные архаизмы*, *старец*, *рыбарь*, *пастырь*, *венец*, *краса*, *зрак* и чеш. нейтр. *stařec rybář*, *pastýř*, *věnec*, *krása*, *zrak*;

2) лексико-фонетические архаизмы в русском языке: *зерцало, древо, прах, хлад, брег, врата, глас, глава, брада, власы, длань, мраз* и чеш. нейтр. *zrcadlo, dřevo* ('дрова, древесина'), *prach* ('пыль'), *chlada* ('холод'), *břeh* ('берег'), *vrata* ('ворота'), *práh* ('порог'), *hlas* ('голос'), *dlaň* ('ладонь'), *vlasy* ('волосы на голове'), *mraz* ('мороз, холод');

3) лексические архаизмы в русском языке: *витязь, уста, перст, чело, очи, рамена, перси, секира, рок, година, поступь* и чеш. нейтр. *vítěz, ústa, prst, čelo, oči, ramena, prs, sekera, rok, hodina, postup*;

4) семантические архаизмы в русском языке: *муж* в значении 'мужчина', *час* в значении 'время', *век* в значении 'возраст – чеш. *muž, čas. věk* стилистически нейтральны [9].

Примерами противоположной дихотомии: *стилистически сниженное* в одном языке – *нейтральное* в другом – являются разговорные чеш. *vagon, měbl, žurnal* и рус. общеупотребительные *вагон, мебель, журнал* [9]. Изоморфное русскому стилистически нейтральному *женщина* чешское *ženština* имеет стилистическую маркированность как *разговорное, бранное и негативную* коннотацию. С другой стороны, русским разговорным *вонь, брюхо* с ярко выраженной отрицательной коннотацией соответствуют чешские *нейтральные vlně, břicho*.

Методически целесообразным является предъявление подобных стилистически дифференцированных корреляций в контексте, демонстрирующем особенности их функционирования и ограниченным определённым стилем речи. При этом наряду со стилистически маркированным элементом необходимо презентовать и стилистически нейтральную единицу – для выражения смысла, адекватного семантике и стилистической характеристике единице родного языка; например, для русского устаревшего *уста* (нейтр. *губы*) – чешское нейтральное *ústa* («рот»).

Нередко при совпадении основных значений лексем в двух близкородственных языках они различаются коннотативными наращениями, этнокультурным содержанием, что особенно наглядно проявляется в фактах вторичной номинации, в том числе во фразеологии. В результате этого возникает культурно-коннотативная асимметрия языков. Подобного рода дивергенция демонстрирует своеобразие видения окружающего мира разными народами, их различную концептуализацию окружающей действительности, особенности ассоциативных связей и представлений. Вторичные номинации, точнее, их образные основания, зачастую несут на себе печать этнокультурной специфики [1]. Изоморфные лексемы, транслирующие разные культурно-коннотативные смыслы, представляют собой разновидность межъязыковой полисемии, которую можно было бы определить в силу их специфики специальным термином *межъязыковые лингвокультурные омонимы*.

При формально-семантическом тождестве, например, большинства названий животных и растений как наиболее древних наименований, восходящих к праславянскому языку, нередко обнаруживаются различия в ассоциациях, связывающих признаки того или иного объекта мира природы с соответствующими качествами человека [4]. Так, рус. *верблюд* – чеш. *velbloud* являются лексемами, одинаковыми в обоих языках в их основном значении, но различными с точки зрения лингвокультурологического восприятия. Если в сознании русских верблюд связан с человеком, несущим много тяжёлых сумок, что транслируется фразеологической единицей *нагруженный как верблюд*, а также с много выпившим человеком (*напиться как верблюд*), то в чешском языковом сознании этот образ связывается прежде всего с человеком, испытывающим очень сильную жажду: *tá žízeň jako velbloud* (букв. 'он хочет пить как верблюд') [5].

Русское слово *голубь* и чешское *holub* также демонстрируют общность происхождения и основной семантики, но дифференциацию в культурологическом осмыслении. Чехи сравнивают с голубем обидевшегося на что-либо человека: *nafouknout se jako holub* [5] (ср. русские сравнения: *надуться как индюк, надуться как мышь на крупу*).

В отличие от пейоративности этого образа в чешской лингвокультуре, в русском языковом сознании голубь воспринимается скорее положительно и ассоциируется прежде всего с образом живущей в мире и согласии пары: *жить как два голубка, жить как голубь с голубкой*.

Отвлекаясь от мира природы, можно обнаружить много примеров различий культурно-коннотативного плана у лексем других тематических групп. К примеру, рус. *каша*, совпадающее денотативно с чеш. *kaše*, может являться и символом беспорядка в голове, мешанины, путаницы, нечленораздельной речи: *у него каша в голове; во рту каша*. Для чехов же *каша* символизирует богатство ума, остроумие, что объективировано во фраземе *jidat vtipnou kaši* (букв. ‘есть кашу из шуток’, т. е. ‘быть остроумным сообразительным’) [5].

Необходимо заметить, что факты различий культурно-коннотативного плана не лежат на поверхности сравниваемых языков, не отражаются большинством двуязычных словарей и соответственно с трудом поддаются выявлению и инвентаризации, поскольку нередко оказываются глубоко скрытыми в сознании того или иного народа и обнаруживаются только в речевой стихии. Лингводидактическое освоение культурного, символического различия подобных лексем происходит на продвинутом этапе владения русским языком как иностранным (уровнях В 2 – С 2) и основывается на анализе фразеологизмов, демонстрирующих их специфические лингвокультурные смыслы.

Лингвокультурологический взгляд на общий лексический фонд славянских языков позволяет выделить и **межъязыковые фразеологические омонимы** – близкие по звучанию устойчивые выражения, которые могут быть интерпретированы инославянским культурным сознанием ложно, неправильно – в силу их изоморфизма с выражениями родного языка, к примеру: рус. *выразить душу* (‘объяснить своё душевное состояние’ и слвц. *výraziť duši (z koho)* (‘вышибить, вытрясти душу’); рус. *мёртвые души* (‘не существующие в реальности люди, приписываемые для каких-л. целей’ – слвц. *mŕtvé duše* (‘никому не нужные, бесполезные, не приносящие пользы люди’); слвц. *zapamätat’ si na zadné koleša* (‘помнить о завтрашнем дне’) – рус. букв. *запоминать* (забыть) *о задних колёсах*; слвц. *zajačné úmysly* (‘мысли перейти на другое место работы, учёбы’ [10]) – рус. букв. *заячьи умыслы* и т. п. Межъязыковые фразеологические омонимы представляют двойную трудность, поскольку требуют не только знания семантики изоморфной лексики, но и знания фразеологии чужого языка; именно поэтому на них необходимо обратить особое внимание. Фразеологизмы же, эксплицирующие собой не явление и предмет, а целую метафорически переосмысленную ситуацию, требуют предъявления их в широких сопоставительных контекстах изучаемого и родного языков.

Таким образом, благодаря прагматическому и лингвокультурологическому фокусам сопоставительного исследования родного и изучаемого языков в сферу межъязыковой омонимии и полисемии вовлекается широкий круг лексики, отличающейся не только денотативным, но и коннотативным, культурным значением. Культурологический аспект позволяет отнести сюда все изоморфные лексемы двух языков, семантически одинаковые в денотативном плане, но дифференцированные в смысловом отношении в их прагматиконах, на уровне коннотативных значений, а также с лингвокультурологических позиций, учитывая смыслы, приобретаемые при вторичной номинации и во фразеологии.

Дифференциация и группировка подобных в звучании лексем изучаемого близкородственного и родного языков имеет не только теоретическое, но и прикладное, лингводидактическое значение, ибо касается систематизации лексики, составляющей зону интерференции при изучении родственного славянского языка. Для её предупреждения и ограничения рекомендуется проводить постоянную работу над ложными лексическими сходствами. При этом виды и приёмы работы должны быть различными при активизации разных групп межъязыковых омонимов и межъязыковых полисемантов.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 342 с.
2. Виноградов, В. В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках / В. В. Виноградов // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. – М., 1968. – С. 53 – 119.
3. Маркова, Е. М. Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имён существительных). Монография / Е. М. Маркова. – М. : МГОУ, 2014. – 312 с.
4. Маркова, Е. М. Культурные коннотации вторичных номинаций при обучении русскому языку как инославянскому / Е. М. Маркова // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» – № 1. – 2013. [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.evestnik-mgou.ru. – Дата доступа: 25.12.2018.
5. Mokienko, V. Česko-ruský frazeologický slovník / V. Mokienko, A. Wurm. – Olomouc, 2002.
6. Словарь русского языка: в 4-х томах. – М. : Изд-во АН СССР, 1957 – 1961.
7. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974 (начало выхода)
8. Kusal, K. Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych / K. Kusal. – Wrocław, 2002. – 242 с.
9. Příruční slovník jazyka českého: T. 1 – 9. – Praha, 1935 – 1957.
10. Slovník slovenského jazyka. – Bratislava : Veda, 1987. – 850 с.
11. Velký česko-ruský slovník. Praha: LEDA, 2005. – 1280 с.
12. Vlček, J. Porovnání slovní zásoby ruského jazyka se slovní zásobou českého jazyka / J. Vlček. – Praha, 1985. – 120 с.

E. M. Markova

The Kosygin State University of Russia

e-mail: Elena-m-m@mail.ru

Native Language in Mastering Vocabulary of Closely Related Language

Keywords: vocabulary, Slavic languages, comparative analysis, transposition, interference.

The article deals with the problem of studying Russian vocabulary in the Slavic audience. The external proximity of the lexical systems of related languages is both the basis of positive transference (transposition) and a factor negatively affecting the learning of vocabulary (interference). The article postulates the thesis of a stronger manifestation of interference in the study of a closely related language due to the large number of facts of “false similarity”: externally the same, but internally different phenomena. The group proposed by the author makes it possible to organize special work to limit the manifestations of interference.

УДК 811.512.164: 811.111’36: 378.147

А. С. Марудова, А. М. Шакурова

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

e-mail: marudova.anna@mail.ru

Lesya1994@yandex.ru

Грамматическая интерференция в туркмено-английском двуязычии

Ключевые слова: языковая интерференция, грамматическая интерференция, английский язык, туркменский язык, сравнительно-сопоставительный анализ.

В статье авторами освещаются проблемы, с которыми сталкиваются туркменоязычные студенты в процессе изучения грамматики английского языка; даются основные принципы преодоления грамматической интерференции.